

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
БИБЛИОТЕКА

ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ

КАНИКУЛЫ КРОША

Повесть

Москва
«Лабиринт Пресс»
2021

Художник Рафаил Вольский

Мальчик пристально вглядывается в даль.
Что видят его глаза? Таинственные образы
проносятся в детских мечтах, подобно
песням птиц. Но что мы сделали для того,
чтобы королевство фантазии стало
рядом с нами навсегда?

Нэцкэ «Мальчик с книгой»

1

Я опишу события, происшедшие в нашем доме. События, происшедшие вне нашего дома, я тоже опишу.

Писать я буду от первого лица. Так это называется в литературе. Вместо «он» говорить «я». Не «он пошёл», а «я пошёл», не «ему надавали по шее», а «мне надавали по шее».

Мою книгу отредактируют — пусть, мол, читатель думает, что её написал настоящий

писатель. Если этого не делать, то одни книги будут читать, а другие — нет. А если отредактировано, то читают всех подряд и никому не обидно.

В моей книге будет несколько героев.

Все они живут в нашем доме. Я хорошо знаю жильцов нашего дома — в нём прошла моя сознательная жизнь. С десяти лет. Теперь мне шестнадцать. Только Костя живёт на другой улице. Немного таинственный тип. Пройдёт по двору со своим чемоданчиком, и всё. А в чемодане боксёрские перчатки. Костя — боксёр, чёрненький худенький паренёк.

Я познакомился с Костей, когда Веэн и Игорь были как раз во дворе. И я тоже был как раз во дворе. Смотрел, как Веэн обтирает свою «Волгу». Игорь ощупывал свой подбородок и тоже смотрел, как Веэн обтирает машину. Перед этим Игорь получил в подбородок и теперь, заботясь о своей внешности, его ощупывал. За что и от кого получил, я расскажу потом.

Веэн показал на запасное колесо:

— Подыдем?!

Игорь был занят подбородком. Я помог поднять колесо и затянул гайку на держателе.

— Почему тебя зовут Крош? — спросил Веэн.

Мне опять, в который раз, пришлось объяснить, что меня зовут Сергеем, а Крош — это прозвище, сокращённое от моей фамилии Крашенинников. В школе всегда сокращают фамилии, тем более такую длинную, как моя. Вот и получилось «Крош».

Объясняя это Веэну, я подумал, что он, наверно, не читал повести «Приключения Кроша» — там об этом подробно рассказано.

Тут появился Костя, и мы познакомились.

— Прокатимся? — спросил меня Веэн.

— С удовольствием.

— Где Нора? — спросил Веэн.

— Вот она идёт, — ответил Игорь, массируя подбородок.

Нора в чёрных ажурных чулках. На эти чёрные чулки мне противно смотреть. И голос у неё хриплый от курения.

Игорь кивнул на меня:

— Крош тоже поедет.

— Тебе жалко? — спросил я.

— Разве я что-нибудь сказал? Нора, я что-нибудь сказал?

Нора пожала плечами.

Нора и Игорь ушли из десятого класса будто бы для того, чтобы заработать производственный стаж. На самом деле им лень учиться. Нора расхаживает в чёрных чулках, а Игорь околачивается на «Мосфильме», снимается в массовках, только ему это за производственный стаж всё равно не зачтут.

Мы мчались по Садовому кольцу. Из троллейбусов на нас смотрели пассажиры. Везн похож на молодого профессора: виски с проседью, белая рубашка с закатанными рукавами, узкие брюки, чёрные туфли. Нора сидела рядом с ним как герцогиня. У Кости бесстрастное лицо боксёра, который не жмурится, когда его лупят по морде. Игорь трепался, будто брат собирается подарить ему своего «Москвича». Я просто ехал.

Везн искусствовед. Я терпеть не могу искусствоведов, они мешают слушать музыку, прерывают её на самом интересном месте. И когда по радио человек чего-то там бормочет невнятным голосом, то невозможно ни читать, ни заниматься... «Фредерик вошёл в гостиную и сказал... Лаура печально покачала головой...

Ах, Фредерик...» Муть! Но Веэн искусствовед по изобразительному искусству, а это совсем другое дело: искусствоведы по изо не мешают слушать музыку. Кроме того, Веэн коллекционер, собирает предметы искусства. И хотя я с ним встречался только во дворе, он мне не казался яркой личностью. Игорь и Костя выполняли какие-то его поручения и напускали такую таинственность, что меня распирало от любопытства. Это была та сторона жизни, которую я ещё не знал. Другие стороны жизни я знал хорошо, а эту ещё слабо, и хотел познакомиться.

Мы свернули с Садового кольца и остановились в переулке возле улицы Горького. Веэн обернулся и посмотрел на Костю и Игоря. Те, не говоря ни слова, вышли из машины. А мне Веэн улыбнулся. Но его улыбка означала, что я должен остаться. Я остался.

Мы сидели молча: я, Веэн и Нора. Потом Веэн и Нора перебросились несколькими фразами. Поскольку они говорили тихо, я не стал прислушиваться.

В девятом классе за Норой ухаживал артист эстрады, скандал был на всю школу. Норина бабушка, заслуженная общественница, вызвала к себе бюро комсомольской организации;

я был тогда членом бюро. Сначала мы не хотели идти, но потом пошли, приняв во внимание возраст бабушки и её заслуги перед общественностью. Мы стояли перед бабушкой, как провинившиеся школьники. Нора сидела на диване, курила сигарету и стряхивала пепел в горшок с цветами. «Если кто сбивается с пути, — говорила бабушка, — то виноват коллектив — недосмотрели». Когда бабушка была молодая, было по-другому... А у нас слаба воспитательная работа, и мы недосмотрели за Норой.

Бабушка сказала, что родители Норы занятые люди, заслуженные артисты, и она, бабушка, тоже занятой человек — пишет мемуары о Станиславском и других выдающихся личностях. Мемуары эти имеют громадное значение для воспитания подрастающего поколения. И, не воспитывая Нору, мы мешаем ей воспитывать подрастающее поколение. Вот какой бенц старушка нам выдала!

Но ещё больший бенц она выдала директору эстрады. Такой она ему выдала бенц, что бедного артиста эстрады услали на длительные гастроли в Ферганскую область.

Такая петрушка произошла с Норой этой зимой.